

*Терезе, которая искренне заботится,
щедро отдает и беззаветно любит.
Ты — то, в чем этот мир нуждается больше всего.*

*И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей,
и я услышал одно из четырех животных, говорящее как
бы громовым голосом: иди и смотри.*

*Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник,
имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он [как]
победоносный, и чтобы победить.*

Откровение Иоанна Богослова. 6:1-2

Эта книга — художественное произведение. Упоминания реальных людей, событий, учреждений, организаций и мест служат лишь для создания иллюзии подлинности и не имеют отношения к действительности. Все прочие персонажи, события и диалоги — плод воображения автора и не должны восприниматься как реальные.

Пролог

Они пришли с бурей.
В грозном небе металась, переплетаясь, исполинские клубы туч. Воздух пустыни сгустился, напитываясь влагой и необычайными запахами.

Сверкнула молния.

БАБАХ!

Мир осветился, и в этой слепящей вспышке возникли они — четыре громадных не то зверя, не то человека.

Чудовищные кони вставали на дыбы, били копытами, пока их всадники чуждыми, грозными взглядами смотрели на этот мир.

Мор, в надвинутой на лоб короне.

Война, высоко вздымающий стальной клинок.

Голод, с косою и весами в руках.

И Смерть, мрачный, со сложенными за спиной темными крыльями, с факелом, что курился ядовитым дымом.

Четыре Всадника Апокалипсиса явились, чтобы захватить землю и истребить живущих на ней смертных.

Небо потемнело, и кони пустились вскачь, только вздымалась пыль из-под копыт.

Север —
Восток —
Юг —
Запад —

Всадники разъехались в разные стороны, и там, где они проносились, ломались машины, перегорали и плавилась предохранители. Отключился интернет, перестали работать компьютеры. Вышли из строя двигатели, самолеты попадали с неба на землю.

Мало-помалу все великие изобретения перестали существовать, и мир погрузился во тьму.

И было так, и так будет, потому что закончилась Эра Человека и началась Эра Всадника.

Они пришли на землю. Пришли, чтобы положить конец всем нам.

Глава 1

Всадники, Год Пятый

— **Т**янем спички.
Бросаю взгляд — глаза у меня светло-карие — на тонкие деревянные палочки в кулаке Люка. Он чиркает одной по нашему грубо отесанному столу, на миг вспыхивает огонек, который он тут же задувает.

Вокруг уныло гудят тусклые лампы, освещающие пожарную станцию. В наше время так же натужно гудит большая часть еще сохранившейся электроники, словно напоминает, что может отключиться в любой момент.

Люк поднимает спичку с обгоревшим кончиком.

— Проигравший останется и доведет наш план до конца.

Нам было непросто принять решение. Оно обрекало одного человека на смерть, еще троих — на жизнь.

Все ради того, чтобы уничтожить этого нечестивого сукина сына.

Люк кладет сгоревшую спичку на ладонь вместе с тремя целыми, опускает руки под стол и перемешивает спички.

Во дворе, за одной из списанных пожарных машин, уже упаковано и готово к побегу все необходимое.

Не для всех, конечно, а только для троих везунчиков. Люк поднимает руку, из кулака торчат кончики спичек. Феликс и Бриггс, тоже пожарные, подходят первыми. Феликс тянет спичку...

Красная головка.

Он выдыхает. Я уверена, что у него ноги дрожат от облегчения, это очень заметно. Но он сдерживается — он ведь мужчина и слишком хорошо понимает, что у нас еще все впереди.

Бриггс тянет спичку...

Красная головка.

Мы с Люком переглядываемся.

Одному из нас предстоит погибнуть.

Я понимаю, что Люк готов пожертвовать собой. Такое выражение его лица я уже видела однажды. Мы тушили большой пожар, и огонь окружил нас почти сплошным кольцом. Пламя приближалось так стремительно, словно в него вселился дьявол, а у Люка тогда сделалось такое же лицо — лицо живого мертвеца.

Тогда мы оба выжили. Может, справимся и с этим дьяволом...

Люк протягивает мне кулак. Из него торчат две спички. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

Я не даю себе додумать эту мысль. Просто хватаю одну из спичек.

Чтобы осознать, какого она цвета, мне требуется несколько секунд.

Черный.

Черный означает... черный означает смерть.

Из легких будто выбили воздух.

Я поднимаю голову на товарищей, вижу смесь жалости и ужаса на их лицах.

— Мы все когда-нибудь умрем, правда же? — говорю я.

— Сара... — это голос Бригса, которому (я в этом почти уверена) я нравлюсь больше, чем полагается просто коллеге и другу.

— Я останусь вместо тебя, — говорит он. Как будто его храбрость сейчас имеет значение. Если ты погибнешь, не сможешь назначить девушке свидание.

Я сжимаю спичку в кулаке.

— Нет. — Отступать я не собираюсь. — Все уже решено.

Остаюсь. Я остаюсь.

Глубокий вдох.

— Когда все будет позади, — говорю я, — пожалуйста, расскажите моим родителям, что случилось.

Я стараюсь не думать о своей семье, которую в начале недели эвакуировали вместе с остальными горожанами. О маме, которая, когда я была маленькой, заботливо срезала мне корочки с хлеба, об отце — он ужасно расстроился, когда узнал, что я вызвалась остаться на последнюю смену. Он так на меня смотрел тогда, словно я уже умерла.

Мы с ними договорились встретиться в охотничьей хижине моего деда.

Но этой встрече не суждено состояться.

Феликс кивает.

— Не переживай, Берн, все сделаем.

Я встаю. Остальные не двигаются.

— Уходите, — я немного повышаю голос, — он будет здесь со дня на день.

А то и через несколько часов.

Они наверняка понимают, что я не намерена рассоливать, потому что перестают уговаривать и больше не медлят. Один за другим они крепко обнимают меня, прижимая к себе.

— Эх, все должно было быть не так, — шепчет мне на ухо Бриггс, подошедший последним, и разжимает руки.

Должно было быть, могло бы, было бы. Сейчас нет смысла в этом копаться. Весь мир должен быть другим. А он вот такой, и важно только это.

Я смотрю в окно на уходящих парней. Люк отвязывает лошадь, Бриггс и Феликс выкатывают велосипеды, прилаживают пожитки.

Я жду, когда они скроются, и только тогда приступаю к сборам. Скользнув взглядом по сумке, набитой тем, что помогает выжить (а еще в ней книга избранных произведений Эдгара По), я смотрю на дедушкин дробовик. Весь в смазке, он выглядит прямо-таки смертоносным.

Бояться некогда, пора делать дело.

Да, я обречена на смерть, но это не просто так: я утащу с собой этого адского ублюдка.

Глава 2

Никто не знает, откуда взялись Четыре Всадника. Однажды они просто появились и стали носиться на своих жеребцах по городам и весям. И по мере того, как они появлялись тут и там, человеческие технологии рассыпались, словно волны, бьющиеся о скалы.

Никто не понимал, что происходит и что все это значит. Особенно когда, совершенно неожиданно, Четыре Всадника исчезли так же внезапно, как явились.

Электронные приборы так и не удалось восстановить, зато с тех пор мы не оставляли попыток объяснить необъяснимое. Это была сверхмощная вспышка на солнце. Террористы. Синхронизация электромагнитных излучений. И неважно, что в этих гипотезах не было никакого смысла, — все же любая из них казалась более приемлемой, чем библейский Апокалипсис. И потому мы, морщась, глотали эти глупые, непродуманные теории.

А потом снова явился Мор.

После ухода товарищей — *бывших* товарищей — я долго сижу за столом, водя пальцами по отполиро-

ванному прикладу дедовского дробовика, мало-помалу привыкая к нему.

Не считая последних двух недель, когда я заново знакомилась с оружием, разнося пустые консервные банки, я много лет не держала в руках ружья.

Из этого ствола я убила ровным счетом одно живое существо — фазана, чья смерть долго преследовала в кошмарах меня двенадцатилетнюю.

Придется опять им воспользоваться.

Я встаю и в очередной раз выглядываю в окно. Мой велосипед с кое-как притороченной тележкой стоит поперек дороги. В прицепе еда, аптечка и кое-какие припасы. За велосипедом простирается холмистая канадская пустошь, она раскинулась до самого Уистлера, нашего городка. Кто бы мог подумать, что всадник нагрянет сюда, в этот заброшенный, забытый уголок?

Я подхожу к холодильнику и машинально достаю пиво. Мир может рушиться, мне плевать, но пиво должно оставаться.

Сорвав крышечку, я перехожу в комнату и включаю телевизор.

Ничего.

— Тьфу, только не это.

Мне предстоит ужасная, отстойная смерть, а тут еще телевизор именно сегодня решил забастовать.

Хлопаю по нему ладонью.

Все равно ничего.

Ругаясь себе под нос — дедушка гордился бы такими выражениями, — я пинаю бесполезный ящик, скорее от досады.

Но экран оживает, и на нем появляется нечеткое изображение ведущей новостей. По ее лицу бегут цветные полосы и зигзаги телепомех.

— ...кажется, движется через Британскую Колумбию... направляясь к Тихому океану... — слова трудно разобрать, они тонут в треске и шуме. — ..Сообщают о мессианской лихорадке, следующей за ним по пятам...

Мору достаточно проехать по улицам, чтобы весь город был заражен.

Ученые — те, которые продолжают работать даже после обрушения технологий, — до сих пор мало что знают об этой чуме. Только то, что она чудовищно заразна, а основным источником ее является *всадник*. Но ей все же дали имя — *мессианская лихорадка*, или просто лихорадка. Название придумали призраки, но такой уж у нас сейчас мир — в нем живут призраки, святые и грешники.

Выключив телевизор, я хватаю сумку и ружье и выхожу, насвистывая музыкальную тему Индианы Джонса. Возможно, если я вообразю себя героиней приключенческой истории, это поможет и я стану меньше думать о том, что должна сделать для спасения своего города и остального мира.

Почти весь день и большую часть вечера я занимаюсь тем, что разбиваю лагерь в стороне от шоссе Ситу-Скай — скорее всего, всадник выберет именно этот путь. И я очень надеюсь, что он проедет до того, как стемнеет. Я и при дневном-то свете меткостью не отличаюсь, а ночью скорее подстрелю саму себя, чем его.

Имея в виду мое сегодняшнее везение, есть шанс, хороший жирный шанс, что я облажаюсь по полной.

Может, например, Мор отправится в объезд или решит соригинальничать и заедет с другой стороны. Или проедет мимо, а я его даже не замечу.

Может, может, может.

А может, даже у безумных, пугающих существ все-таки имеется хоть капля логики и здравого смысла.

Я хватаю ружье и амуницию, подползаю поближе к шоссе и устраиваюсь в засаде.

Он появляется с первым в этом году снегом.

Наутро мир окутан тишиной, куда ни глянь, все припорошено белыми хлопьями, а дорога поблескивает перламутром. Снег продолжает падать, и это так неуместно красиво, просто ужас.

Вдруг с деревьев вспархивают птицы. Ошеломленная, я провожаю их взглядом — вон они, прямо надо мной, темные силуэты в пасмурном небе.

Потом, одновременно в разных местах, начинают выть волки, и от этих звуков мурашки бегут по спине. Это что-то вроде сигнала тревоги, после него оживает весь лес. Мимо меня спешат и хищники, и добыча. Еноты, белки, зайцы, койоты — все куда-то бегут. Я замечаю даже пуму, которая прыжками движется вместе со всеми.

Наконец, все скрываются.

Я прерывисто выдыхаю.

Он приближается.

Я припадаю к земле в темном лесу, сжимая в руках ружье. Проверяю магазин. Вытряхиваю и снова за-